

Н.

Так грозовой порыв распахивает окна—
В озоне и пыли, листву к земле клоня.
Так после ливня сад, прохладной линзой вогнут,
Стоит вокруг меня и требует меня.

Так близкий ли, чужой—из отступившей дали
Щемящей красоты, сжимающей виски,—
Глядит, не отстраняясь, в сгустившемся кристалле.
Так дети после слёз—слабы и глубоко...

И, оживая, мир светлеет понемногу.
Так,—распускаясь в круг прохладного огня,
В себя вбирая всех, всё подводя к итогу,—
Твоя любовь, как жизнь, проходит сквозь меня.

К руке твоей склоняюсь: там, под кожей,—
Биение и свет.
И мир, сплетённый бережно и сложно,
Утешен и согрет.

И помнит всё. И беспечально дремлет
Меж завтра и вчера.
Солёная река—древнее древних—
Не знает переправ.

Воды не перейти: неодолимо
Разлитое внутри.
И дом на берегу, и годы—мимо.
И свет горит.

Как стол, заваленный бумагами,
Газон в кленовом беспорядке.
Седыми утренними рагами
Сентябрьский воздух дымно-сладкий
В окно с раскрытыми фрамугами
Вливается, а свет на шторе
Восходит солнечными фугами.

И, музыке беззвучной вторя,
Внутри неё самой, не около,—
Бездонно и почти случайно—
Ты улыбаешься далёкому,
Не просыпаясь под лучами.

Ветку тронь—качнёшь в пустоту
Майский двор, скамейку, фонарь.
Бедной жизни немого
Вечности цветущий букварь.

Мучает неназванный сад.
Болью прорастает весна.
Силится вернуться назад
Кто-то—в имена.
Имена.

Заснежена твоя клеёнка
На парапете у метро.
Промёрзло нищее добро—
Салфетки, вязанные тонко.

И руки дряхлые дрожат,
И снегопаду уступают,
И кружево не успевают
Отрывать. А снегопад

Тебя молчаньем охватил,
Удерживая, как младенца,
Как переполненное сердце,
Истаивая до светил...

Он светом увлекает вверх—
И в тесноте его высокой
Стоишь фигуркой одинокой,
Уже отделена от всех.

Но каждый божий человек,
Невидимо идущий мимо,
Тебе знаком необъяснимо.
И так—превозмогая снег,

Со всеми в переключке тайной
На этом голом пятячке—
Стоишь смиренно, налегке,
С беспомощным своим вязаньем.

Так—словно на недолгий срок
Во всезвучащем разговоре,
В его космическом узоре
Ты—самый важный узелок.

Подорожник-июль—на саднящую ранку—от боли и пыли.
И опять на качели: из небыли в были, из небыли в были...
Чьи бы руки встречали, глаза бы искали, смеялись и пили
В безвоздушном пространстве тягучие взгляды: не ты ли?

Но не ты. И с пустым раскачавшимся сердцем домой или в поле.
Водворяя себя с одуревшей неволи в сушайшую волю,
Вдруг находишь конверт недошедшего лета—внутри только листья—
И становишься сам этой солнечной, горькой жизнью.

Наедине. На глубине.
На безымянной остановке.
Моей в тебе. Твоей во мне...
Как осторожны и неловки,
Как немые первые слова!
...И лишь торопятся взглядеться
Не мы, а изумлённых два
Навстречу выпорхнувших сердца.